

УДК 94(47).08

**Роль протекции в карьере российского
чиновника
середины XIX — начала XX вв.***

Шатохин И. Т.

Shatokhin I. T. The Role of Protection in a Career of a Russian Official in mid. XIX — early XX cent. On the basis of the sources of personal origin the author considers the officials' attitude towards different kinds of carrier protection and gives their characteristics as well.

Keywords: officialdom, social psychology, protection.

Шатохин И. Т. Роль протекции в карьере российского чиновника середины XIX — начала XX вв. В статье на основе анализа источников личного происхождения рассматривается отношение чиновников к различным видам служебной протекции и дается их характеристика.

Ключевые слова: чиновничество, социальная психология, протекция.

Шатохин И. Т. Роль протекції в кар'єрі російських чиновників середини XIX — початку XX ст. В статті на основі аналізу джерел особового походження розглядається ставлення чиновників до різних видів протекцій та надається їхня характеристика.

Ключові слова: чиновництво, соціальна психологія, протекція.

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы», Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

Построение карьеры российскими чиновниками в рассматриваемый период редко обходилось без использования чьего-либо покровительства. Однако авторы многочисленных трудов, обращавшихся к изучению проблем теории и практики государственной службы в Российской империи, не занимались специально рассмотрением вопросов места, роли и способов служебной протекции в карьерном росте российского чиновничества. Обычно исследователи либо рассматривали протекцию как составляющую всего комплекса негативных проявлений в деятельности чиновничества [19], либо как констатация того, что это проявление бюрократизма имело место и было неременным, широко распространенным способом в продвижении государевых слуг по чинам и должностям [10; 11; 12; 13; 15]. Протекцию, как важную составляющую подбора достойных кандидатов на должности губернаторов в первой половине ХІХ века, рассмотрела А. Н. Бикташева в контексте кадровой политики Александра I и Николая I, а также их министров внутренних дел [3, с. 80-106].

К 1860-м годам протекция настолько глубоко проникла во все поры государственного механизма на всем пространстве империи, что стала обычным и обыденным явлением. Так, в 1861 году 75-летний помещик Фатежского уезда Курской губернии Ф. А. Бухвостов был безоговорочно уверен, что «у нас в провинции не честь служит повышением чиновника, а протекция». Поэтому он и предлагает оказавшему ему услуги и симпатичному становому приставу Н. Давыдову протекцию у самого императора Александра II, считая полицейского чиновника вполне достойным служебного продвижения или награды, так как в помещичьей среде уезда за становым закрепилось мнение – «честный бессеребряник» [7, с. 429]. Датчанин Андрей Кофод, долго живший и служивший в России, без стеснения пишет, что в конце ХІХ – начале ХХ века жизнь его «проходила если не слишком однообразно, то все

же довольно буднично. Должности, которые я занимал до сих пор, я получал по знакомству, это еще называется протекцией. Когда же меня выгоняли, я, как правило, был сам, прямо или косвенно виноват в этом» [1, с. 172].

Протекция, как широко распространенное явление, нашла отражение в таком важном источнике, зафиксировавшем смысловые оценки обществом всех существенных жизненных реалий эпохи, каким является словарь В. И. Даля. Он закрепил бытовавшее в обществе значение глагола «протежировать» как «покровительствовать, заступничать, застаивать, держать любимцем, давать ход не по заслугам» [8, с. 1354]. Как видим, отношение российского общества к протекции в среде чиновничества в рассматриваемый период было снисходительным, хотя подразумевалось, что само явление имеет явно негативный оттенок. Поэтому гораздо чаще чиновники о том, что их протежировали при устройстве на службу, предпочитали по разным причинам не упоминать в своих мемуарах или же делать это полунамеками. Например, М. Ф. Громницкий так начинал свои воспоминания: «Весной 1864 года я был назначен на должность губернского по уголовным делам стряпчего в Воронеж. Перед тем и, конечно, по поводу этого назначения я прожил три месяца в Петербурге» [6, № 2, с. 49].

Когда же речь заходила о протежировании других, то тот же автор, не стесняясь, не раз писал об этом. Вот, например, наиболее яркий эпизод из его воспоминаний, иллюстрирующий саму процедуру протежирования. М. Ф. Громницкий рассказал, как он решал вопрос о назначении своего знакомого на желанную для него должность: «...подавленный тяжестью полученных зараз наград и повышений (сенатор, старший председатель одесской судебной палаты, тайный советник и кавалер ордена Станислава 1-й степени), Шахматов осенью 1868 г. по дороге из Петербурга в Одессу остановился на несколько дней в Москве; ему любезно уступлена была прежняя

его квартира в казенном доме (ныне Континенталь); здесь он принимал ежедневно массу просителей, стремившихся на юг. Один мой знакомый, желавший также получить место товарища прокурора окружного суда на юге и зная мои прежние отношения к Шахматову, просил меня замолвить за него слово. Откровенно признаюсь, я обрадовался случаю увидеть его в величии и славе. На другой день часов в 12 я вошел в обширную залу в нижнем этаже, где застал солидную толпу просителей, стоявшую среди комнаты: прием еще не начался. Я просил доложить о себе и тотчас же был введен в маленький соседний кабинет. Шахматов сидел за столом в форменном фраке со звездой. «Как я рад вас видеть! – обратился он ко мне с веселою улыбкой, переходя на другое кресло возле маленького столика и предлагая мне курить, – неужели я могу что-нибудь сделать и для вас?» Я объяснил ему причину моего визита. «Жаль, что вы просите не о себе, с какою бы охотою я сделал все для вас, что в моих силах; можете сказать вашему знакомому, что он получит место». (Он его и получил). ... Узнавши от меня, что с переводом Д. А. Ровинского в председатели судебной палаты и моя служба стала далеко не безоблачна, он мне тотчас же предложил ехать в Одессу на место товарища прокурора судебной палаты, ручаясь головою, что в следующем судебном округе (Казанском – 1870 года) я получу место прокурора судебной палаты. Я поблагодарил, но отказался» [6, № 3, с. 71].

Этот рассказ дает нам представление о том, насколько просто порой можно было по протекции получить приличную должность в провинции, если знать к кому обратиться за поддержкой. С другой стороны, автор не называет своего знакомого ни по имени, ни инициалами, даже никак не намекает читателю, кто это мог быть. Таким намеком могли быть обстоятельства предыдущей или последующей службы, характер и детали служебных или личных взаимоотношений с автором и т. п. Тем самым, как нам представляется, автор подчеркивает обыденность и привычность протекции, а также

не желает привлекать внимание к способу продвижения по службе своего, вероятно, еще живущего на момент написания текста воспоминаний хорошего давнего знакомого. Последнее допущение может служить косвенным подтверждением негативного отношения автора и его референтного круга к протекции на государственной службе.

Так как протекция была распространенным явлением в многочисленных канцеляриях, присутствиях, департаментах, во всех столичных и провинциальных коронных учреждениях, то её ищут, предлагают и принимают, констатируют и высмеивают. А потому протекция нашла свое отражение в многочисленных источниках. О ней писали мемуаристы, публицисты, писатели. Она становилась очень удачной мишенью для критики и сатиры в популярных журналах. Так, молодой А. П. Чехов публикует в 1883 году в юмористическом журнале «Осколки» короткий рассказ «Репка». В вольном «переводе с детского» народной сказки автор иронизирует над усилиями родственников вывести Сержа с длинными ушами и репкой вместо головы в люди. Только благодаря купцу с его сторублевками дед с бабой, теткой-княгиней и кумом-генералом «вытянули голову-репку в люди. И Серж стал статским советником» [17, с. 64]. В целом в произведениях А. П. Чехова слово «протекция» в связи с чиновниками разного калибра упоминается не менее 14 раз.

Отправной точкой в социально-психологической мотивации протекции является потребность чиновника в карьерном росте, что заложено самой природой и законодательством о гражданской службе. При этом в практике службы могло и не быть объективных оснований для использования чиновником протекционных схем: не было у него конфликта с непосредственным начальством, никто не сомневался в его профессиональных качествах и не чинил препятствий в карьерном продвижении. Однако желание с помощью протекции ускорить или гарантировать получение очередного или внеочередного повышения в классном чине, перемещения на

более доходную должность, в более благоприятную местность, поощрение орденом толкали служилый люд на поиск и использование самых разных способов протекции. В этом случае объективным основанием для возникновения такого желания у честно служившего чиновника могли стать обида и зависть, рожденные карьерными успехами сослуживцев, знакомых, друзей, которые добивались их не упорной и добросовестной службой, а протекцией. А так как это не было секретом в относительно небольшой чиновничьей среде, особенно в провинции, ведь порой сами протезируемые при всяком удобном случае в образах и красочных картинах рисовали саму процедуру достижения ими успеха, то чиновники, не планировавшие ранее прибегать к такого рода способам для своего карьерного роста, загорались идеей пойти теперь тем же путем.

Попытаемся определить, какие же конкретные способы протекции могли использовать российские чиновники в провинции в рассматриваемый период. Исходя из социально-психологической мотивации людей, оказывавших протекцию, нами ранее была предложена и проиллюстрирована следующая классификация протекции: 1) коррупционная протекция; 2) альтруистическая протекция; 3) протекция родственников; 4) дружеская протекция; 5) корпоративная протекция [18]. Дальнейшее исследование этой проблемы выявили неполноту и ограниченность выше приведенной классификации. Поэтому она должна быть дополнена, по крайней мере, следующими составляющими: 6) «амурная» протекция; 7) протекция себя; 8) контрпротекция; 9) комбинированный вариант протекции.

Если смотреть на особенности протекции с позиции протезируемого, то можно выстроить следующую иерархию видов протекции по принципу усложнения их морально-материальной затратности и доступности.

На первое место, по нашему мнению, следует поставить корпоративную протекцию, поскольку она является результатом, прежде всего, качества службы протезируемого,

свидетельство его профессионализма и личных деловых качеств (дисциплинированность, порядочность, высокая работоспособность, обучаемость, ответственность, оперативность и т. п.). При этом, следует такую протекцию отделять от рутинных служебных перемещений, построенных на механическом, бюрократическом движении служащих по чинам и должностям в соответствии с предписанными нормами правил, положений и инструкций. При корпоративной протекции, в отличие от банального служебного перемещения, протезирующий имеет личный интерес и прилагает дополнительные усилия по продвижению своего кандидата. Это могло выражаться в более лестной и качественной характеристике протезируемого (при необходимости пода сведения о нескольких кандидатах). Это могло сопровождаться личным неофициальным или полуофициальным письмом с четко прописанным пожеланием выгодного автору письма решения кадрового вопроса; либо протезирующий лично во время визита обращался к должностному лицу, в компетенции которого находился вопрос о назначении и перемещении протезируемого лица. При корпоративной протекции протезируемый, как правило, не прилагал каких либо усилий со своей стороны для этого, а иногда он и не знал о намерении своего непосредственного начальника дать ход его карьере. Так, в 1887 году, 13 лет спустя, чиновник особых поручений при курском губернаторе И. Т. Плетнев случайно узнал, что его прежний начальник — товарищ прокурора Курского окружного суда А. А. Мартынов — «души в нем не чаял», «высоко ценил его работу», желал его «во что бы то ни стало провести в судебные следователи». И это, вероятно бы, удалось, потому что А. А. Мартынов имел поддержку в этом опросе своего начальника — прокурора К. Д. Анциферова. А И. Т. Плетнев считал А. А. Мартынова «черствым, эгоистичным человеком» [16, с. 865].

Следующий по важности и значимости для протезируемых, вероятно, могла быть дружеская протекция, так как друзья, как правило, знали не только личные, но и профессионально-

деловые качества друг друга. Хотя зачастую друзья некритично относились к оценке профессионализма товарищей, а потому продвигали их, опираясь, прежде всего, на личные симпатии и привязанность. На такую негативную для интересов дела сторону дружеской протекции обращал внимание в своих мемуарах С. Ю. Витте. Начиная свою службу после университета в железнодорожном ведомстве, он столкнулся с системным проявлением дружеской протекции такого рода среди выпускников Института инженеров путей сообщений: «...они держатся кагального устройства: все, кто не принадлежит к числу инженеров путей сообщений, никуда не годны; а если это инженер путей сообщений, их товарищ, то, как бы он плох ни был, его всюду совали» [4, с. 256]. В этом суждении сквозит вполне объяснимая неприязнь С. Ю. Витте к корпоративности инженеров путей сообщений. Это ответная реакция амбициозного человека на то, как враждебно принимала его – не инженера – эта закрытая среда в начале карьеры. Следует отметить, что очень часто дружеская протекция строилась, опираясь на корпоративный дух, специально культивируемый в учебных заведениях, а также формирующийся в служебной деятельности любого ведомства. Поэтому симбиозная корпоративно-дружеская протекция, возникающая в этих условиях, может быть отнесена как одна из разновидностей к протекции комбинированного вида.

Третью позицию, на наш взгляд, должна занимать самопротекция, потому что она также не была связана для протектировавшегося с издержками материального плана, хотя и сопровождалась некоторым моральным напряжением. Далеко не каждый чиновник или претендовавший на чиновничье место имел достаточно смелости и решимости добиваться для себя должности или служебного повышения. Почти, анекдотический случай, связанный с самопротекцией, рассказал в своих воспоминаниях М. Ф. Громницкий. В 1860 году в приемную пензенского губернатора Е. П. Толстого пришли «два молодых семинариста. «Вам что угодно?» – спрашивает

губернатор. «Насчет местечка», — отвечают те. Он указывает им на стулья. «Садитесь», — говорит он, а сам продолжает обходить других посетителей. Обошел и переговорил со всеми, а потом удивленно, останавливаясь перед сидевшими семинаристами, восклицает: «Чего же вам еще нужно?». «Да мы насчет местечка», — снова отозвались те. «Но ведь я вам дал местечко, каждому по стулу, чего же еще? Больше ничего не могу, идите». При дружном хохоте не разошедшейся еще публики сконфуженные семинаристы удалились прочь» [6, № 12, с. 54-55]. Конечно, далеко не все соискатели служебных мест и карьерного продвижения попадали в такую неприятную ситуацию.

К самопротекции прибегали чиновники самого разного уровня, в том числе и высокопоставленные. По ряду причин самопротекция была им более доступна, так как они уже имели определенные заслуги и авторитет, лучше осознавали свои способности и соизмеряли свои амбиции с возможностью занять ту или иную вакантную должность. Например, А. В. Бельгард, будучи в 1901 году членом Совета Главного управления по делам печати МВД, письменно обратился к министру внутренних дел Д. С. Сипягину с просьбой о новом назначении. Вот как он об этом вспоминал: «Хотя и по занимаемой мной должности четвертого класса, и по моей прежней службе я имел все права на то, чтобы просить о предоставлении мне должности губернатора, но мне не хотелось пользоваться родством моей жены с Сипягиным, с которым у меня были давние близкие отношения еще с того времени, когда он был курляндским губернатором, чтобы просить его если не о повышении по службе, то, во всяком случае, о назначении, которого так многие усиленно добивались. Поэтому, уезжая из Петербурга, я оставил Сипягину формальную докладную записку, в которой просил о назначении меня по возвращении из отпуска вице-губернатором. Вместе с тем, однако же, я добавил, что занимаемая мною должность четвертого класса и моя прежняя служба дают мне право рассчитывать на получение назначения в одну из

центральных губерний. Втайне я думал, что Сипягин сам поймет, что должность вице-губернатора является для меня незаслуженным понижением, так как я, таким образом, с должности четвертого класса переходил на должность пятого класса и от почти независимого положения к подначальному, да еще со значительным уменьшением жалованья. Я надеялся потому, что он сам предложит мне место губернатора. Но этого не случилось» [2, с. 69-70].

Приведенная цитата, на наш взгляд, является наиболее ярким примером самопротекции, раскрывающим не столько открытую аргументацию, но и скрытые мотивы и желания претендента. При этом, автор как о достоинстве говорит о нежелании действовать через свою жену – двоюродную сестру министра внутренних дел Д. С. Сипягина, что, по его мнению, было недостойным, хотя и вполне успешным способом достижения желанной цели. А. В. Бельгард обращается к министру лично и официально (посредством докладной записки), хотя надеется и делает ставку при этом на свои «давние близкие отношения» с министром. Возможно, автор предполагал и надеялся на то, что родственные связи сработают автоматически, или у автора были какие-то резоны не обращаться лично к министру. Как бы то ни было, но заветной должности он не получил.

Высокая ценность и значимость для чиновника самопротекции, на наш взгляд, должна была быть еще и потому, что, прибегая к ней, служащий испытывал прочность своего авторитета как профессионала в начальственной среде, силу своего личного влияния и своих связей. И если он получал просимое, то приобретал дополнительную уверенность в своих силах, которую сразу же стремился продемонстрировать сослуживцам для закрепления в их глазах своего достижения и своего нового статуса. Если же самопротекция терпела крах, то чиновник прилагал максимум усилий по сокрытию или дезавуированию самого факта обращения к начальствующим лицам за повышением по службе или поощрением.

Важную роль в развитии служебной карьеры чиновника

могли играть родители, родственники, в том числе дальние и в том числе со стороны жены, сама жена, особенно, если она имела связи и влияние в местном или столичном обществе. В этой связи интересный пример находим мы в монографии А. Н. Бикташевой. Ей удалось установить, что назначение в 1846 году генерал-адъютанта И. А. Боротынского казанским военным губернатором не обошлось без влияния его супруги, Анны Давыдовны (рожденной княгини Абемелек), которая в юности была фрейлиной Её Императорского Величества Елены Павловны, сохранила прочные связи в различных столичных кругах, в том числе среди членов императорской семьи. Своеобразным, хотя и косвенным, подтверждением того, что возможность была реализована, можно считать любопытный архивный документ. На конверте одного из писем, принадлежавших супруге губернатора ее рукой сделана пометка: «назначен Казанским военным губернатором в Москве самим императором, помимо министра Перовского Его Императорским Величеством без всяких ходатайств и просьб». Можно согласиться и с комментарием исследовательницы этого факта: «Подчеркнутое отсутствие протекции должно было свидетельствовать в пользу личных достоинств кандидата. Думается, именно это хотела донести до потомков супруга И. А. Боратынского» [3, с. 99]. Одновременно это указывает и на то, что жена И. А. Боротынского жила его жизнью, гордилась его успехами и им самим, а потому все делала для того, чтобы и потомки гордились исключительно заслугами и достижениями одного из своих предков.

Порой существенное содействие в карьерном росте чиновника могли оказать амурные связи его самого или его жены. О том, что подобные способы протекции имели место свидетельствуют сатирические рассказы писателей XIX века. Герой чеховского рассказа «На гвозде» (1883 г.) Стручков вел своих приятелей — коллежских регистраторов и губернских секретарей — домой на свои именины. Однако несколько раз был свою компанию уже из прихожей в трактир, так как дома жена Стручкова потчевала

пирогам и жареным гусем начальника мужа — Прокотилова. «Прокотиллов — сила! — начала компания утешать Стручкова. — Час с твоей посидит, да зато тебе...десять лет блаженства. Фортуна, брат! Зачем же огорчаться? Огорчаться не надо» [17, с. 41-42]. Так, мелкий чиновник, ради сомнительных предпочтений по службе, соглашается терпеть ухаживание начальника за своей женой и пересуды сослуживцев за своей спиной.

Завершает характеристику видов протекции, бескорыстных со стороны протежирующих и материально не затратных для протежируемых, протекция альтруистическая. Она, как правило, предлагалась людьми, не относящимися к категории родственников, друзей или приятелей — сослуживцев. В качестве патронов здесь выступали либо отставные или непрямые начальники, либо авторитетные представители местной элиты — предводители дворянства, крупные родовитые помещики, отставные военные, зажиточные купцы и т.п. Альтруистическая протекция была мотивирована служебно-деловыми или гуманитарно-благотворительными факторами. В интересах дела лицо, обладавшее определенными полномочиями или лоббистскими возможностями, продвигало по службе перспективных и честных чиновников, которым без чьей-либо поддержки следующая служебная ступенька могла быть недоступна долгие-долгие годы. Протекция по гуманитарно-благотворительным соображениям осуществлялась как помощь порядочным чиновникам, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах или пострадавшим от несправедливых или неоправданно жестких действий начальствующих лиц. Так, влиятельный, но уже давно отошедший от дел большой старик — дед мемуариста М. М. Осоргина — не раз помогал различным людям, в том числе и чиновникам. Поэтому он не мог не поддержать незаслуженно уволенного многодетного уездного исправника, устроив его на Рязанскую железную дорогу, а затем и продвинув его по службе накануне своей смерти. «Незадолго до болезни дедушки этот бывший исправник к

нему приехал просить выхлопотать ему повышение, так как только что очистилось какое-то подходящее место на той же дороге. Назначение это зависело от начальника, живущего в Рязани; и мой дед, несмотря на свою слепоту, старческие годы и немощь, не побоялся ночного путешествия с пересадками, в ту же ночь поехал в Рязань, приказав этому бывшему исправнику его дожидаться и сказав, что он этого добьется. Действительно, приехав в Рязань в шесть часов утра, он прямо отправился на квартиру начальника железной дороги и на отказ последнего выйти к нему в такой ранний час послал ему сказать, что «в передней сидит старик 85 лет, слепой князь Волконский, и не выйдет отсюда, пока его ходатайство не будет удовлетворено». Перед такой настойчивостью никакой бюрократ не мог устоять, и этот бывший исправник получил просимое назначение. Дедушка тотчас вернулся в Зарайск и со слезами радости объявил ему об этом. Никогда мой дед не раздумывал, полезно ли то, что предпринимал, умно ли это, слушался он лишь веления своего сердца, и Бог его и вознаградил мирной кончиной» [14, с. 256].

Человек, оказавший альтруистическую протекцию, получал огромный заряд положительных эмоций, не меньший, чем выигравший от такого покровительства. Это и моральное удовлетворение православного человека, совершившего доброе дело — оказавшего поддержку ближнему, и радость от достигнутого результата, и гордость за себя и свой авторитет среди сильных мира сего.

Контрастом альтруистической протекции являлась коррупционная протекция. Она была одновременно еще и, как нам представляется, наиболее негативной в восприятии современников. Коррупционная протекция была связана с получением взятки за продвижение взяткодателя по служебной лестнице (то есть с очевидным должностным преступлением), или же с какими либо фиксированными или отложенными обязательствами патронируемого перед патроном. В силу такой характеристики коррупционная протекция редко становилась объектом внимания мемуаристов, в том числе и потому, что

истинные цели такой протекции ее участники всегда скрывали. Поэтому достоянием общественности, а значит и мемуаристов, становились лишь самые вопиющие случаи подобной протекции или же глухие подозрения и разрозненные сомнительные факты. Коррупционная протекция обычно выявлялись во время основательных проверок, которые организовывались верховной властью, в том числе и по жалобам чиновников и подданных на произвол и преступления в том или ином государственном учреждении. Подозрения на наличие коррупционной протекции изучались специально, если на нее указывали даже косвенные обстоятельства или слухи.

Например, накануне отмены крепостного права были проведены ревизии некоторых коронных учреждений провинции, которые выявили вопиющее состояние дел. В учреждениях сформировалась атмосфера открытого казнокрадства и взяточничества, которая, несомненно, не могла не включать и коррупционную протекцию, без чего не удалось бы сформировать такой преступный состав присутствий. В результате ревизовавшие вынуждены были массово изгонять со службы повязанных совместной коррупционной деятельностью чиновников, порой полностью закрывая учреждения [9, с. 826]. «Были такие палаты, в которых министр (государственных имуществ М. Н. Муравьев – Ш. И.) весь состав присутствия изгонял вон и, заперев двери присутствия и положивши ключ в свой карман, объявлял, что палата закрыта до формирования нового для нее состава» [5, с. 671].

Коррупционная протекция в губернских правлениях имела место и в начале ХХ века. В 1905 году во время сенаторской ревизии Бакинской губернии сенатор А. М. Кузьминский установил, что местное губернское правление представляет собой рассадник взяточничества, что многие назначения на должности делались за взятки [10, с. 319]. В 1906 году по фактам не принятия мер в борьбе с революционными волнениями в Орловской губернии было организовано расследование деятельности губернатора К. А. Балясного. Попутно выяснилось,

что у губернатора много других упущений по службе. В Губернском правлении сложилась «атмосфера если не явного доказанных злоупотреблений, то, во всяком случае, нездоровая». Чиновник губернской канцелярии В. П. Руткевич «сумел скоро сделаться очень нужным и близким к губернатору Балясному человеком, и как в непосредственном его ведении, между прочим, находились дела о назначении и перемещении губернской полиции, то он, на этой почве, весьма беззастенчиво построил свое материальное благополучие, облагая всякое служебное движение полицейских чинов денежными в его пользу приношениями» [13, с. 156-157].

Таким образом, коррупционная протекция имела место там и тогда, где и когда для нее возникали хотя бы минимальные благоприятные условия: а) авантюрист-взяточник на ключевой должности; б) доверие к нему и отсутствие контроля со стороны непосредственного начальствующего лица; в) использование заинтересованными лицами этого способа при своем продвижении по службе, как вполне приемлемого в моральном и финансовом плане. Последнее обстоятельство крайне важно для понимания степени морального разложения чиновничества на том или ином этапе его деятельности. Проверяющим удавалось разрушить коррупционный бизнес на протекции лишь в тех случаях, когда его открытие происходило или случайно, или по жалобам чиновников. В других случаях он мог продолжать действовать, если удовлетворял обе стороны, а особенно чиновников, заинтересованных в таком способе карьерного продвижения.

Если о коррупционной протекции информация, хотя бы в ограниченном виде, представлена в источниках, то о контрпротекции её крайне мало и вычлнить её еще сложнее, хотя она имела широкое распространение в чиновничьей среде. Опорочить в глазах начальства сослуживца, особенно, если он конкурент в служебном продвижении, было в порядке вещей. Как правило, контрпротекция осуществлялась с глазу на глаз, поэтому о подобных действиях узнавали, если узнавали,

много времени спустя или только предполагали о самом факте контрпротекции. Так, в 1868 г. прокурор московского окружного суда М. Ф. Громницкий догадался, что раздражение в его адрес со стороны прокурора московской судебной палаты Г. Н. Мотовилова вызвано тем, что «в кабинете прокурора с[удебной] палаты с некоторых пор стало известно каждое слово, сказанное в моем кабинете, так как эти неосторожные слова касались преимущественно обитателей первого кабинета, то понятным становится и раздражение, вызванное ими» [6, № 12, с. 53]. Догадался он и о том, что контрпротекцию ему таким способом осуществлял один из его подчиненных — товарищ прокурора (в воспоминаниях он его именует «Х»), который «приобрел благорасположение прокурора судебной палаты» и которому через голову окружного прокурора «стали давать различные поручения» [6, № 12, с. 53].

Опорочить и обогатить сослуживца из-за личной неприязни, мести или зависти, с целью устранить конкурента на пути к заветной должности для беспринципных чиновников было вполне допустимо. Однако в общественном мнении, которое не могли не разделять и не учитывать и чиновники, это подвергалось осуждению, так как было противно человеческой чести и совести. Поэтому, прибегая к такому приему, чиновники понимали, что принимают на себя все моральные издержки и ставят под удар как в своей профессиональной среде, так и в целом в обществе. И если же решались на контрпротекцию, то делали это тайно, и этим никогда не хвастались публично, как это делали при всех других видах протекции.

Таким образом, протекция в служебной карьере российского чиновничества середины XIX — начала XX в. представляет собой разного характера действия заинтересованных лиц, направленные на получение каким-либо чиновником или кандидатом в чиновники служебного места, более высокой должности, чина или жалования, поощрения или награды вне или с разной степенью нарушения нормативно установленных правил (по процедуре, срокам, требованиям

к профессиональным качествам или заслугам и т. п.). В силу латентности большинства видов протекции и практически полном отсутствии ее следов в официальном делопроизводстве коронных учреждений, говорить о её масштабе в математически выраженном значении не представляется возможным. Однако, зафиксированные в источниках личного происхождения, публицистике и художественной литературе, многочисленные примеры протекции, которые можно даже выстраивать в определенную систематическую классификацию, говорят о протекции, как о широко распространенной практике в деятельности российского государственного аппарата и значимом явлении в жизни чиновничества империи рассматриваемой эпохи.

Примечания

1. *Кофод А.* 50 лет в России. 1878—1920 / А. Кофод. — СПб., 2009.
2. *Бельгард А. В.* Воспоминания / А. В. Бельгард — М., 2009.
3. *Бикташева А. Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века / А. Н. Бикташева. — М., 2012.
4. *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары / С. Ю. Витте. — М.; Минск, 2002. — Т. 3.
5. *Глорианов В. И.* Потомственные дворяне канцелярского происхождения / В. И. Глорианов // Русский архив. — 1905. — Кн. 1. — № 4.
6. *Громницкий М. Ф.* Из прошлого (По личным воспоминаниям) / М. Ф. Громницкий // Русская мысль. — 1899. — № 2, № 3, № 12.
7. *Давыдов Н.* Император Александр II в Курской губернии в 1861 г. Рассказ станового пристава / Н. Давыдов // Русская старина. — 1885. — Т. 45. — № 2.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — СПб.; М., 1907. — Т. 3.
9. *Казначеев А. Г.* Между строками одного формулярного списка: 1823—1881 / А. Г. Казначеев // Русская старина. — 1881. — № 12.
10. *Любичанковский С. В.* Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднимперской России (на материалах Урала, 1892—1914 гг.) / С. В. Любичанковский — Самара ; Оренбург, 2007.

11. *Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. — Новосибирск, 2002.
12. *Милешина Н. А.* Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII — середины XIX вв. (на материалах центрально-европейских и средневожских губерний России). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Н. А. Милешина. — Казань, 2012.
13. *Минаков А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.) / А. С. Минаков.— Орел, 2011.
14. *Осоргин М. М.* Воспоминания или Что я слышал, Что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861—1920 / М. М. Осоргин. — М., 2008.
15. *Писарькова Л. Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — начале XIX века / Л. Ф. Писарькова // Человек. — 1995. — № 3.
16. *Плетнев И. Т.* Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии / И. Т. Плетнев // Наша старина. — 1915. — № 9.
17. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А. П. Чехов. — М., 1975. — Т. 2.
18. *Шатохин И. Т.* Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв.: социально-психологическая классификация / И. Т. Шатохин // Научные ведомости БелГУ. — Серия : История. Политология. Экономика. Информатика. — 2012. — № 13 (132). — Вып. 23.
19. *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX вв. / Л. Е. Шепелёв. — СПб., 2001.